

Скромное

Владимир НУЗОВ

— Константин Яковлевич, вы стали знаменитым как автор стихов песни Колмановского «Я люблю тебя, жизнь». Потом были другие стихи, песни. Но славу принесла вам именно эта песня в исполнении Марка Бернеса. У вас нет, помимо благодарности, чувства ревности к ней, а то и раздражения?

— Что вам сказать? Во-первых, известность мне принесло стихотворение «Мальчишка», опубликованное в 1951 году в «Новом мире» Александром Трифоновичем Твардовским. Это стихотворение знала буквально вся читающая Россия. И «Мальчишка», и «Я люблю тебя, жизнь» стали моими визитными карточками. Это неплохо для писателя, что есть такие вехи. Но и раздражение присутствует, как будто я больше ничего не написал.

— В книге среди многих опубликованы две фотографии: вашей дочери — художницы Галины и внуки. Под фотографией подпись: «Я живу лишь из-за вас». Очень уж грустно, не кажется с «я люблю тебя, жизнь»...

— Это строчка из моего стихотворения. Ее можно истолковать так: сейчас я живу только из-за вас. Я немолодой человек, жена умерла, что бы я делал на земле? У меня много грустных стихов, а критика часто смотрит поверхностно: я каюсь ей таким любителем жизни. Это обманчивое впечатление. Внимательный читатель знает, что я вовсе не такой.

— Было ли при написании книги вашим принципом известное латинское изречение: «О мертвых либо ничего, либо хорошо»?

— Специально я такого принципа не придерживался. Я написал сцены из жизни и портреты тех людей, к которым очень хорошо относился: Твардовского, Бернеса, Виктора Некрасова, Арсения Тарковского, Андрея Старостина, Эдика Колмановского, Яна Френкеля. Но вы найдете и портреты людей, к которым я относился критически и

Заголовок надо было бы взять в кавычки, потому что это — название статьи Евгения Евтушенко двухлетней давности о моем собеседнике. Его стихи, песни, проза живут уже без малого полвека и будут жить всегда. Мы давно договаривались с Константином Ваншенкиным о встрече, да суета все мешала. Но вот появился прямой повод: в издательстве «Вагриус» вышла его книга воспоминаний «Писательский клуб».

скептически. Можно вспомнить в этой связи мемуары Бунина об Алексее Толстом, Владислава Ходасевича о Брюсове. Когда Горький их прочитал, он сказал автору: «Жестоко вы написали, не превосходно. Когда я умру, напишите так обо мне. Обещаете?». Ходасевич обещал.

— А вот у вас Симонов получился несколько припомаженным. Вы вовсе не упоминаете, будто этого и не было, о его усердном участии в травле Зощенко и Ахматовой.

— Я упоминаю об этом, но сам не был свидетелем поездки Симонова в Ленинград, а писать с чужих слов — не в моих правилах.

— Ну хорошо. Еще одна шпилька. Почему вы очень тонко, почти незаметно намекаете на пристрастие Твардовского к алкоголю? Солженицын в «Теленке» описывает приезд его в Рязань и страшный запой.

— Да, я не в пример Солженицыну и Трифонову, специально не

пишу об этом, но привожу, если вы помните, слова Твардовского: «Хмелек за хмелек цепляется» — это как раз о его запоях. Передо мной не стояла задача описать людей всесторонне, пункт за пунктом: курит — не курит, пьет — не пьет, как у него с женщинами — прямо анкета какая-то...

— А я в свою очередь хочу заверить вас, Константин Яковлевич, что книжка мне понравилась, но не может же интервью превратиться в сплошной панегирик. Чего-то мне в ней недостает, и это, по-моему, вполне нормально.

— Если уж хотите еще об алкоголизме писателей, то в мировой литературе есть немало писателей, страдавших этой болезнью. Кто-то из воспоминателей пишет об этом подробно, кто-то — нет. Известно, что из шести американских нобелевских лауреатов четверо были настоящими медицинскими алкоголиками: Фолкнер, Хемингуэй, Стейнбек, О'Нил. Кроме

них еще Фицджеральд, Эдгар По и Джек Лондон. Наше же советское представление таково: не может быть алкоголик великим писателем. У наших писателей желание забыться было обусловлено еще и личными трагедиями.

— Да, у Твардовского семья была раскулачена и сослана. В воспоминаниях брата Александра Трифоновича — Ивана — меня поразила сцена, когда А. Т. не впустил в дом отца, бежавшего из ссылки. Видимо, потом это его страшно мучило, и он это.

— В мемуарах Ивана Трифоновича есть какая-то задетость по отношению к брату. Твардовский действительно отрекся от отца, но нельзя забывать, что еще до войны он, получив орден Ленина, вытащил всю семью из смертельных сыльных мест. Он совершил почти невозможное! Но его родные, когда пришло время, выжили давнюю обиду: мол, он единственный, кто не был сослан...

— Все, с этим, кажется, мы разобрались. Я от души посмеялся, прочитав вашу фразу: «Когда Ленин вскарабкался на броневики». Очень уж живая картина: маленький человечек, как-то и был Ленин, карабкается на броневики, как на скалу какую-нибудь. Вы, конечно, замечательный стилист, и ваша проза, мемуары — это проза поэта, знающего цену слову. А из замеченных мною неточностей могу назвать «малую толику» — это тавтология.

— Нет, вы не правы. Именно «малая толика» — посмотрите в словаре Ожегова. Вы подходите к книге как рецензент, а в ней главное — жизнь замечательных людей, моя собственная жизнь. У меня не было задачи очернять или обелять кого-то, я писал, как мне кажется, объективно. Я общался с этими людьми, им было, смею думать, тоже интересно со мной.

— У вас, мне кажется, хороший характер, Константин Яковлевич?

— Как раз характер-то у меня плохой: я не очень контактен, все-

творческих людей считается не очень долговечным: супруги, мол, взаимно подавляют творческую индивидуальность. Вы же помогали, поддерживали творчество друг друга. Первой известной песней Инны Гофф стало «Русское поле»?

— «Август». Помните: «Скоро осень, за окнами август, от дождя потемнели кусты. И я знаю, что я тебе нравлюсь, как когда-то мне нравился ты...». А еще были бернесовская «Я улыбаюсь тебе», «Не страшно, если вдурь тебя разлюбят». Анна Герман пела «Ты меня пожайте», а песенка «Ветер северный» — любимая у шоферов-дальнобойщиков.

— Прожив счастливую семейную жизнь, что бы вы посоветовали вступающим в брак?

— Какие могут быть советы? Рецептов нет, правил тоже. Может быть, надо говорить о чувстве ответственности — не знаю...

— Ваша дочь — замечательная художница, две последних книги Окуджавы оформлены ею. От кого у нее этот дар — от вас или жены?

— Боковой, я бы сказал, ген. Сейчас она стала известной художницей, ее выставка открыта в Интернете.

— Многие художники оставили прекрасные воспоминания о Константине Коровина. Они очень хорошо написаны, а это — главное. Для пишущего человека основное не о ком, а КАК.

— Вернемся в «Писательский клуб». Я с радостью для себя обнаружил, что мне нравятся те же стихи Владимира Соколова, что и вам: «Хотел бы я долгие годы», «Вот мы с тобой и развенчаны», что-то еще.

— Я привожу примеры и слабых стихов, например, у Александра Яшина. Но он сумел преодолеть инерцию своей длинной, неуклюжей поэмы и написать отличные вещи.

— Я читал ваши воспоминания о Булате Окуджаве в одном из майских номеров «Литгазеты». Видимо, они просто не успели попасть в книгу. Живой, щемящий портрет одного из лучших людей нашего времени. Будем считать, что вы начали новую книгу воспоминаний, а эту я прочитал в один присест, прямо как какую-нибудь Маринину. Это напоследок — моя легкая ирония...

РЕЗЕРВ ИЛИНИН/АФОН

Реч. Москва. — 1998. — 5 июня. — С. 8

бессмертие